

Научная статья

УДК 811.512.3'28:398.224(=512.157)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-2-117-136

О НЕКОТОРЫХ МОНГОЛИЗМАХ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ОЛОНХО)

Н. В. Турантаева¹, Н. В. Малышева²

¹Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
Якутск, Россия

e-mail: nv.turantaeva@s-vfu.ru

²Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
Якутск, Россия

e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию монгольских заимствований в языке якутского героического эпоса олонхо, с особым акцентом на лексику, связанную с наименованиями объектов неживой природы (15): названиями ландшафтных объектов (8), атмосферных явлений и явлений природы (7). Олонхо, являясь центральным элементом фольклорной традиции якутов, представляет собой не только важнейший источник устного народного творчества, но и ценное свидетельство языковых и культурных контактов, происходивших на протяжении веков. Материалом исследования послужили тексты олонхо авторов, представляющих разные диалектные территории, для получения представления о распространении монголизмов по всей территории Якутии. Методологическую основу настоящего исследования составляет этнолингвистический подход, в соответствии с которым лексика олонхо осмысливается как отражение традиционной культурной и мифопоэтической картины мира народа саха. В эмпирической части работы применяются методы сравнительно-исторического, этимологического и контекстуального анализа, а также привлекаются элементы когнитивной лингвистики, позволяющие реконструировать концептуальные модели, лежащие в основе функционирования монгольских заимствований в эпическом тексте. Особое значение придаётся фольклорно-семантическому анализу, направленному на выявление культурно обусловленных смыслов лексических единиц и их роли в структуре эпического мира олонхо. Результаты исследования свидетельствуют о равномерном распределении монголизмов среди всех диалектных зон, что подтверждает длительные и интенсивные контакты предков якутов с монголоязычными народами. Более того, выявляется, что многие из исследованных заимствований обладают высокой степенью интеграции в якутский язык и практически не воспринимаются носителями как чужеродные элементы. Это указывает на глубокую адаптацию монголизмов и их органичное включение в якутскую языковую систему. Выводы способствуют более глубокому пониманию языковых взаимодействий и процессов этногенеза якутов, а также открывают перспективы для дальнейших исследований в области исторической лингвистики и фольклористики.

Статья может быть интересна фольклористам, эпосоведам, лингвистам, студентам гуманитарных вузов, а также всем, кто интересуется структурой и семантикой языка олонхо как отражения культурной памяти народа саха.

Ключевые слова: монголизмы; якутский язык; олонхо; языковые контакты; ландшафтная терминология; историческая лингвистика; этимология; эпос; этногенез; фольклористика

Финансирование: Исследование проведено в рамках научного проекта РНФ №25-78-30006 «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)»

Для цитирования: Турантаева Н. В., Малышева Н. В. О некоторых монголизмах в диалектной лексике якутского языка (на материале языка олонхо). *Эпосоведение*. 2025;2 (38):117–136. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-117-136>

Original article

On certain Mongolic loanword in the dialectal lexicon of the Yakut language (based on the language of olonkho)

Nina V. Turantaeva¹, Ninel V. Malysheva²

¹M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: nv.turantaeva@s-vfu.ru

²M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Abstract. The present article is devoted to the study of Mongolic borrowings in the language of the Yakut heroic epic olonkho, with a particular focus on lexicon related to inanimate nature (15 items): names of landscape features (8) and atmospheric and natural phenomena (7). As a central element of the Yakut oral tradition, olonkho serves not only as a major source of folklore but also as valuable evidence of linguistic and cultural contact that took place over the centuries. The material for the study consists of olonkho texts recorded by authors from various dialectal regions, which allows for an assessment of the geographic distribution of Mongolic borrowings across the territory of Yakutia. The methodological foundation of the study is based on an ethnolinguistic approach, according to which the vocabulary of olonkho is viewed as a reflection of the traditional cultural and mythopoetic worldview of the Sakha people. In the empirical part of the research, methods of comparative-historical, etymological, and contextual analysis are applied, along with elements of cognitive linguistics that facilitate the reconstruction of conceptual models underlying the functioning of Mongolic loanwords in the epic text. Special attention is given to folkloric-semantic analysis, aimed at identifying culturally conditioned meanings of lexical items and their role in structuring the epic worldview of olonkho. The results of the study indicate an even distribution of Mongolic elements across all dialect zones, confirming long-standing and intensive contact between the ancestors of the Sakha and Mongolic-speaking peoples. Furthermore, many of the examined borrowings demonstrate a high degree of integration into the Yakut language and are scarcely perceived by native speakers as foreign elements. This points to the deep adaptation of Mongolic lexicon and its organic incorporation into the Yakut linguistic system. The findings contribute to a deeper understanding of linguistic interaction and the ethnogenetic processes of the Sakha people, while also offering new prospects for further research in the fields of historical linguistics and folklore studies. The article may be of interest to folklorists, epic scholars, linguists, students of the humanities, and all those interested in the structure and semantics of the olonkho language as a reflection of the cultural memory of the Sakha people.

Keywords: Mongolic loanwords; Sakha language; olonkho; language contact; landscape terminology; historical linguistics; etymology; epic; ethnogenesis; folkloristics

Funding: This research was conducted within the framework of the Russian Science Foundation project No. 25-78-30006, “Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Interdisciplinary Sociocultural Research (Based on Big Data Analysis)”.

For citation: Turantaeva, N. V., Malysheva, N. V. On certain Mongolic loanword in the dialectal lexicon of the Yakut language (based on the language of olonkho). *Epic studies*. 2025;2(38):117–136. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-117-136>

Введение

Проблема происхождения якутского героического эпоса олонхо представляет собой сложное и многогранное явление, находящееся на пересечении культурно-исторических, этнографических и лингвистических исследований. Эпос олонхо, являющийся центральной частью фольклорной традиции якутского народа, представляет собой уникальный источник для изучения таких аспектов, как особенности языковой системы, этногенез якутов, их языковые, культурные и исторические контакты с другими родственными и неродственными народами.

Одним из ключевых вопросов, связанных с языком олонхо, является наличие в нём значительного пласта заимствованной лексики, в том числе монголизмов – слов, имеющих монголь-

ское происхождение. Научное внимание к данной теме было впервые привлечено благодаря исследованиям В. Л. Серошевского [1], П. А. Ойунского [2] и Г. В. Ксенофонтова [3], выдвинувшим гипотезу о южном происхождении олонхо. Значительный вклад в развитие данной проблемы внёс академик А. П. Окладников [4], отметив существенную роль тюрко-монгольских контактов в формировании фольклорной традиции якутов. П. А. Слепцов выявил значительный пласт лексических заимствований из монгольских языков в тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» [5]. Р. Н. Анисимов в статье «Лексемы-историзмы якутского эпоса, имеющие параллели в монгольских языках» анализирует исторические пласты лексики олонхо, выявляя соответствия с монгольскими языками и тем самым освещая глубинные связи между якутским и монгольским языковыми ареалами [6]. Эти данные согласуются с гипотезами о южном происхождении якутского народа, что подтверждается этнографическими и историческими исследованиями.

Вопрос о монгольских заимствованиях в якутском языке всегда привлекал внимание исследователей и нашел отражение в работах О. Н. Бётлингга [7], В. В. Радлова [8], Ст. Калужинского [9, 10], В. И. Рассадина [11, 12], Н. К. Антонова [13, 14], Е. И. Убратовой [15], Н. Н. Широковой [16], Г. Г. Левина [17], С. Д. Егиновой [18], А. Е. Шамаевой [19], Н. В. Малышевой [20-24]. При этом остаются недостаточно изученными вопросы периодизации контактов предков якутов с монголоязычными народами, семантических переходов и адаптации монголизмов под фонетическую систему якутского языка, определения географической локализации прародины якутов.

Олонхо, как один из наиболее древних письменных памятников якутов, является ценным источником информации для рассмотрения древних языковых контактов между этническими сообществами, в данном случае между предками якутов и монголоязычными племенами. Целью настоящего исследования является выявление и анализ монгольских заимствований в языке олонхо, связанных с лексикой неживой природы (ландшафтные, природные и атмосферные термины), а также определение их семантической функции в формировании этнокультурной картины мира якутов. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного анализа монгольских заимствований в языке олонхо, связанных с лексикой неживой природы, при этом заимствованные единицы подвергнуты этимологическому анализу, а также рассмотрены с точки зрения их семантической и повествовательной функции в структуре эпического текста.

Материалом исследования послужили тексты олонхо авторов, представляющих разные диалектные территории, для получения представления о распространении монголизмов по всей территории Якутии. В частности, в исследование включены олонхо оймьконского сказителя М. Ф. Аммосова «Догдогоно турагас аттаах, тура-сююрэ төрөөбүт Дугуйа Бөгө» (северо-восточная диалектная зона) [25], олонхо амгинского сказителя Т. В. Захарова-Чээбий «Алангхага төрөөбүт айаас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» (центральная диалектная зона) [26], олонхо вилуйского сказителя В. О. Каратаева «Богатырь Ого Тулаайах» (вилуйская диалектная зона) [27] и самозапись якутоязычного эвенка Г. А. Степанова из Оленекского района «Булаадар Бухатыыр» (северо-западная диалектная зона) [28]. Из текстов олонхо методом сплошной выборки были зафиксированы 15 лексических единиц, представляющих монгольские заимствования в области наименований объектов неживой природы, среди которых названия ландшафтных объектов (8), атмосферных явлений и явлений природы (7). Следует отметить, что распространенность монголизмов в составе диалектной лексики представляется равномерным.

Методологическая основа настоящего исследования опирается на этнолингвистический подход, в рамках которого лексика олонхо рассматривается как репрезентант традиционной культурной и мифопоэтической картины мира народа саха. Такой подход позволяет выявить глубинные семантические связи между языковыми единицами эпоса и основополагающими концептами этнического мировидения. Особую значимость в теоретическом обосновании

данного направления представляют труды Л. Л. Габышевой [29–33], а также работы, посвящённые лексико-семантическому анализу эпической лексики, выполненные Л. М. Готовцевой [34–36], Ф. Н. Дьячковским [37], Е. Н. Афанасьевой [38] и др. Значительный вклад в лексикографическое и концептуальное осмысление языка олонхо вносит Л. В. Роббек [23–25], осуществляющая составление дефиниционного словаря эпоса и комплексное описание его языковой системы. Эти работы служат основой для лексикографического анализа фольклорных текстов в целом.

В рамках эмпирической части исследования используются методы сравнительно-исторического, этимологического и контекстуального анализа, а также элементы когнитивной лингвистики, направленные на реконструкцию концептуальных структур, лежащих в основе функционирования монгольских заимствований в эпосе. Особое внимание уделяется фольклорно-семантическому анализу, позволяющему выявить культурно обусловленные значения лексем и их роль в формировании эпической картины мира. Так, по наблюдению Л. Л. Габышевой, важным компонентом мифопоэтического мировидения якутов является ландшафтная лексика [32, с. 285]. Анализ лексических единиц с учётом территориально-сказительской специфики также продемонстрирован в работе Е. Р. Николаева, в котором представлено, что многие лексемы, функционирующие в олонхо, обладают выраженной диалектной принадлежностью и восходят к монгольским, тунгусо-маньчжурским и тюркским основам [42]. Отдельного внимания заслуживает монография Е. И. Избековой «Числительные в олонхо: структура и семантика», в котором показано, как эпические числительные теряют своё буквальное значение, приобретая символический и сакральный смысл, характерный для всей тюрко-монгольской традиции [43].

Таким образом, методологическая база исследования представляет собой синтез филологического, этнолингвистического и когнитивно-семантического подходов, направленных на интерпретацию эпического текста в его символической, этнокультурной и территориальной обусловленности. Исследование монголизмов в языке олонхо позволяет не только проследить процессы фонетической и семантической адаптации, но и рассматривать данные лексемы как знаки культурной памяти, репрезентирующие языковые контакты и историко-культурный опыт народа саха, зафиксированные в языке олонхо.

Монголизмы в области ландшафтной терминологии

История народа неразрывно связана с окружающей природой. Для якутов ландшафтные термины представляют собой не просто обозначения природных объектов, но и особые «хранилища» исторической памяти, отражающие миграционный путь предков. Лексика, связанная с окружающей средой, находит свое отражение и в мифопоэтической традиции, наиболее ярко выраженной в олонхо. Большинство исследователей сходятся во мнении, что предки якутов в древности покинули южные степи, простирающиеся вокруг озера Байкал, отправившись на север. Данный процесс сопровождался испытаниями, нашедшими отражение в языке. Реки, вдоль которых проходил их путь, леса, служившие убежищем, и горы, выступавшие ориентиром, стали неотъемлемой частью жизни и, следовательно, лексикона якутов. Природные реалии нашли отражение в языке олонхо, где природные объекты наделены особым сакральным значением.

Байҕал

Одним из примеров связи языка с фольклорной традицией является лексема *байҕал* (*байаҕал*), в словаре Э. К. Пекарского термин представлен в следующей интерпретации: ‘море; обилие, богатство воды’ или ‘океан’ [44, с. 340; 11, с. 66]. В. И. Рассадин относит данную лексическую единицу к числу монголизмов [11, с. 66]. Согласно Этимологическому словарю монгольских языков письм.-монг. *BAIYAL*, халх., бур. *Байгал* является гидронимом и обозначает название озера ‘Байкал’ [45, с. 80]. В этимологическом словаре якутского языка Г. В. Попова говорится, что лексема *байҕал* ‘море, обилие, богатство вод; океан’ в якутском языке трактуется исследователями по-разному: одни возводят её к тюркским основам *бай* ‘богатый’ и *көл* ‘озеро’, другие указывают на возможное монгольское происхождение – бур. *байгаал* со значением ‘большой

водоём; множество воды; обширный бассейн', что позволяет рассматривать данную основу как общетюрко-монгольскую лексему [46, с. 112]. Однако, если бы монг. слово *байгал* восходило к тюркскому словосочетанию *баай күөл*, то в якутском языке оно, вероятно, сохранилось бы в аналогичной форме (*баай күөл*), что не подтверждается лексикографическими данными. Предположение о тюркском происхождении монг. *байгал* от тюрк. *баай күөл* [45, с. 80] не может быть исключено, однако в рамках настоящего исследования основной задачей является установление языка-донора в отношении якутского языка. В данном случае совокупность фонетических признаков свидетельствует в пользу монгольского происхождения заимствованной единицы. Признаком монгольского происхождения якутской лексики *байгал* является наличие начального консонантного элемента [б] и согласного [г] в инлаутной позиции, которые при адаптации в якутском языке сохраняются. Кроме того, наблюдается закономерное опущение гласного [и] в срединной позиции, что представляет собой закономерный фонетический процесс.

Как отмечает Е. С. Жигачева: «Название *Байгаал* впервые встречается в монгольской летописи первой половины XVII в. *Шара түдэжи* («Жёлтая летопись»), составленной халхаским князем Цокту Ахаем в Халхе» [47, с. 149]. *Шара түдэжи* (*Шар Түүж* «Жёлтая летопись») представляет собой историко-литературный источник, содержащий пересказ «Сокровенного сказания монголов», детальные генеалогии княжеских родов до XVII века и ценные сведения о развитии монгольского письменного языка. В тексте летописи упоминается следующее: «*döčin doluyan nasun- t ayan. sartayčîn-i ambaqai qayan-i arban tümen čerig-i bayiyal neretü youl-tur bayilduju*» [48, с. 137] досл. 'В 47 лет он сразился с десятью тумэнами воинов сартагчинского Амбахай-хана на реке *Байгал* и покорил их' [48, с. 79]. Указанное событие относится к военной кампании Чингисхана.

В олонхо «Догдогоно турагас аттаах, тура-сююрэ тёрюёбют Дугуйа Бёгё» (сев-вост.) лексема *байгал* упоминается в контексте бездонной океанской глубины, что подчёркивает ее мифологическую значимость как первоосновы мироздания и символа космогонического порядка: *Түгэбэ биллибэт / Диринг байгал алынаах <...> Орто торуой дойду онгоһулан / Олохсуйбута эбитэ үһү, доботтоор!* [25, с. 25-26] досл. 'С бездонной глубиной океанской <...> Срединная земля установилась / Обживалась, говорят, друзья!' [пер. авторов¹]. В данном фрагменте олонхо море предстаёт не просто как водная стихия, а как изначальный хаос, из которого рождается упорядоченный мир.

В олонхо «Ого Тулаайах Богатырь» (вил.) лексема *байгал* предстает в образе огненного моря: *Хайа хайалара хотуспаккалар / Уот Кудулу байгал ортотугар / Икки киһи / Түөрт уллунаба түстэбинэ / Оруобуна сөп буолар / Онтон сыһа туттубут киһи / Уот Кудулу муораба түһэн / Умайан хаалар сиригэр / Онно айанныллар* [27, с. 103] досл. 'Посреди огненного моря Уот Кудулу / Была скала / С вершиной, где могли стоять / Лишь два богатыря / Тот, кто оступался / Падал в море Уот Кудулу / И сгорал дотла' [27, с. 157–158]. Образ огненного моря в олонхо выполняет многослойную функцию: он является не только физическим препятствием, но и символом инициации героя, границей между мирами и карающей стихией, подчеркивая мифологические и космологические представления древних якутов. Согласно Е. И. Избековой: «...эпический водоем – чаще всего место испытания выносливости богатырей, место побоищ. Возможно, поэтому эпитет-определение имеет устрашающий оттенок» [43, с. 32].

Огненное море *Уот Кудулу байгал*, которое условно разделяет Средний и Нижний миры упоминается также и в самозаписи олонхо «Булаадыр Богатырь» (сев.-зап.): *Уот Кудулу байгал / Өрө өттүн көрөн кэбистэххинэ / Үс салаа буола хайдара буолуо / Арбаа диэки агара / Араас омук хаанынан / Будулуйа уста турара буолуо / Ол байгалга / Аллараа Дойду алдыатылаах бухатыыра / Арсан Дуолай ангардасты ааннаан / Абыс мэндиебэннээх / Аһар атаһын араастаан этэ турар / Абыс уон араамалаах / Ампаар дьилээх буолуо* [28, с. 243–244] досл.

¹ Здесь и далее перевод авторов

‘Если на Огненное море Кудулу / Посмотреть сверху донизу / На три притока разделяется, наверное, / И западная ее сторона / Кровью разных народов / Течет, мутнее и багрее / И на этом самом море / Всеразрушающий богатырь из Нижнего мира / Арсан Дуолай единолично насаждает / С восемью этажами / Ябедничающий о всех прохожих / С восьмидесятью рамами / Амбаром владеет наверное’ [пер. автора]. В данном контексте *Уот Кудулу байбал* ‘Огненное море Кудулу’ выступает как физическая преграда между мирами и как символический элемент, отражающий хаотичную природу Нижнего мира. Его описание в олонхо сопровождается метафорическими характеристиками, указывающими на кровопролитие и разрушение, что свидетельствует о его роли в эпическом конфликте между силами добра и зла.

В фрагменте олонхо амгинского сказителя Т. В. Захарова-Чээбий «Алангхага төрөөбүт ай-аас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» (центр.) лексема *байбал* употребляется в контексте описания водного пространства, обладающего бескрайними и таинственными свойствами: *Устата-туората биллибэтэх / Унуоргута-улабата көстүбэтэх / Абыс үөстээх анаар байбалга көтөн тирилээн тиийдэ* [26, с. 234] досл. ‘Бескрайнее море безграничное плещется лежит / К невиданному-неизвестному / К морю-байгал с восемью руслами стремительно добрался’ [26, с. 235]. Эпитеты *устата-туората биллибэтэх* ‘бескрайнее-безграничное’ и *унуоргута-улабата көстүбэтэх* ‘невиданное-неизвестное’ усиливают представление о морской стихии как о грандиозном, почти мифологическом пространстве.

Далай

Лексема *далай* в якутском языке представляет собой заимствование из монгольских языков и обладает широкой семантической вариативностью: ‘масса воды в одном месте, водный мир, большая вода, самая глубокая вода; многоводное море (река, озеро); глубина моря, глубина колодца; бездна’ [44, с. 668]; восходит к монг., письм.-монг. *DALAI* [**dalay*], халх., бур. *далай* ‘море, океан; (уст.) всемирный, великий’ [45, с. 166]; халх. *далай* 1) океан; море; большое озеро’ [49, Т. 1, с. 684]. Ст. Калужинский относит лексему к монголизмам: *dalai* ‘полноводная река, озеро, море’ < монг.; письм.-монг., МНТ *dalai*, орд., бур. *dalā*, халх. *dalē* (в форме *dal°ē*) и др. – ‘море, океан’; из монг. > уйг. *talui* с тем же значением (см. Räsänen, Uralaltaische Wörterstudien, с. 31) [9, с. 36]. Г. В. Попов склонен считать, что *далай* в значении ‘большой глубокий водоем (синоним глубоких обширных озер, рек)’ восходит к др.-тюрк. *талуй* [46, с. 159]. В памятниках старописьменных тюркских языков форма *taluj* засвидетельствована начиная с орхоно-енисейских рунических надписей. Однако, несмотря на раннюю фиксацию, исконная принадлежность данной лексемы тюркскому лексическому фонду представляется маловероятной. Как отмечает Е. А. Щербак, наиболее вероятным источником заимствования является китайский язык, однако точный путь проникновения слова остаётся неясным: не исключается как прямое заимствование в монгольские языки из китайского, так и опосредованное, через тюркские [50, с. 33]. Особое внимание привлекает наличие широкого гласного во втором слоге [a], характерного прежде всего для монгольских языков, что придаёт дополнительный вес гипотезе о монгольском происхождении таких форм, как тув. и шор. *talaj*. Сравнительный анализ монгольских данных (письм.-монг. *dalai*, бур. *dalā*, халх. *dalē*), проведённый Н. Nugteren, подтверждает устойчивость данной фонетической структуры в пределах монгольской языковой семьи [51, с. 311].

В текстах олонхо данный термин преимущественно встречается в контексте описания водных объектов, включая озера и реки. В олонхо вода часто наделяется очищающими, магическими свойствами. В исследуемых текстах олонхо лексема *далай* преимущественно фиксируется в контексте описания озёр и рек. Например, в олонхо «Догдогоно турагас аттаах, тура-сююрэ төрөөбүт Дугуйа Бөгө» (сев.-вост.) упоминается *Абыс үөстээх ааттаах арылыа-далай үрэх* [25, с. 46], (досл.) ‘Река восьмирукавая арылыа-далай’ [пер. автора].

В олонхо «Алангхага төрөөбүт ай-аас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» (центр.): *Күөх дьайа сыстыбыта буолуоба диэн / Күөх далай уутунан көнү суунан кэбистэ* [26, с. 60] досл. ‘Нечисть тёмная прилипла, думая / Водой чистой озера синего умылся’ [26, с. 61].

Хайа

Лексическая система языка нередко фиксирует реалии прошлого, отражая особенности природного ландшафта, важные для носителей языка. В этом контексте особый интерес представляет наличие в монгольском и якутском языках терминов, связанных с горным рельефом несмотря на то, что современный образ этих регионов преимущественно ассоциируется с монгольскими степями и якутскими равнинами. Фиксация таких лексем может свидетельствовать о том, что в определённые исторические периоды предки якутов, контактировавшие с монголоязычными племенами, проживали на территориях с более выраженными горными формами. Одним из примеров является лексема як. *хайа* 'гора, горы, цепь или хребет гор; высокая гора, утёс, скала, каменные горы' [52, с. 3242]; < монг., письм.-монг. *QADA*, халх., калм. *хад*, бур. *хада*, 'гора'; халх., калм. 'скала'; халх. 'утёс' [53, с. 17]. Несмотря на наличие в других тюркских языках лексем, обозначающих скалу (например, в хак. и тув. *qaja*), М. Ряснен считает, что эти наименования восходят к монгольскому *qada* и являются заимствованиями из монгольского языка [54, с. 96].

Дабаан

Еще одним примером влияния монгольского языка на якутский является лексема *дабаан*, которая в якутском языке имеет значение 'путь на гору, подъём; гора, пригорок, падь' [44, с. 658; 11, с. 66] < монг., письм.-монг. *DABA*?, халх. *дав-*, бур. *даба-* имеет значение 'переходить, перевалить, одолеть (высоту)' [45, с. 161]; халх. *даваа(н)* 'горный перевал' [49, Т. 1, с. 666]; бур. *дабаан* '1) горный перевал; 2) прям. и перен. препятствие' [55, с. 247]. Как показывают приведенные примеры, среди монгольских лексем бурятская является наиболее устойчивой в якутском языке по структурным и фонетическим показателям. По мнению Ст. Калужинского, як. *dabān* 'восхождение на гору, подъем; гора' является монгольским заимствованием. В качестве этимологической основы он указывает монгольский глагол *daba-* 'переходить, переезжать через горы (перевал)', от которого образованы: письм. монг. *dabayān*, МНТ *daba'an*, калм. *dawān* 'горный проход, перевал, переход через горный хребет'. В якутском языке функционирует также производный глагол *dabai-* 'подниматься, восходить на гору', демонстрирующий как семантическую, так и словообразовательную связь с зафиксированной номинативной формой *дабаан* [9, с. 72]; Аналогичный корень **daba-* 'пересекать, проходить; превышать' реконструируется Н. Nugteren: среднемонг. *daba-*, письм.-монг. *daba-*, а также в ряде современных монгольских идиом: халх. *davax*, бур. *dabaxa*, калм. *davx*, даг. *daw-*, *dau-*, вост. уйг. *daβa-*, мнгр. *dava* [51, с. 310]. Приведенные данные свидетельствуют о наличии устойчивой лексико-семантической модели, в рамках которой якутские лексемы *dabān* и *dabai-* подлежат интерпретации в качестве заимствований из монгольского языка на основании формальных соответствий и производных значений глагольной основы *daba-*.

В языке олонхо данный ландшафтный термин сохраняет своё значение, что подтверждается следующими строками: *Үддүк дабаан хаайан кэллэбинэ / Кэдэччи туйталаан туран таххыталаан истэ* [25, с. 49] досл. 'На подъёме в высокую гору / Запрокинув свой стан поднимался, запевая песнь тойук' [пер. автора]. В данном контексте лексема *дабаан* обозначает местность с плавным подъёмом, по которой передвигается герой. Использование этого термина в языке олонхо свидетельствует о том, что для якутов представления о возвышенностях, горах и перевалах были значимыми элементами их пространственного восприятия. Кроме того, лексема *дабаан* может нести метафорическое значение пути и преодоления. Как отмечает Л. Л. Габышева: «Согласно языковым данным, слова, обозначающие кочки, неровности, буераки, в ходе исторических изменений претерпели метафорическое переосмысление и ассоциируются с понятиями препятствия, затруднения, неудачи, несчастья» [32, с. 286].

Хапчаан

Одним из ярких примеров лексического заимствования из монгольского языка в якутский является ландшафтный термин *хапчаан* 'узкость, теснота; узкий проход, ущелье, узкое,

тесное пространство в горе, горная развалина, теснина' [52, с. 3326]; 'ущелье' [13, с. 26] < монг., письм.-монг. *QABČAL* (**qabča-l*), халх. *хавцал*, бур. *хабсал* 'ущелье, теснина' [53, с. 14]; халх. *хавцал* 'ущелье; теснина, горный проход, глубокое ущелье у подножия горы, балка' [49, Т. 4, с. 1212]. Исследователи Ст. Калужинский и Н. К. Антонов также относят данную лексему к числу монголизмов в якутском языке [13, с. 26], что подтверждается и данными Этимологического словаря тюркских языков [56, с. 274]. В процессе адаптации значение термина в якутском языке претерпело семантическое расширение: от обозначения узкого горного прохода или ущелья – к более обобщённому значению 'узкое, тесное пространство' в целом.

Образные сравнения, основанные на природных реалиях, играют важную роль в эпическом повествовании олонхо, усиливая художественную выразительность и передавая символическое значение борьбы стихийных сил. *Хапчаан хайа курдук хапсан ылбыттара* [28, с. 261] досл. 'Они столкнулись, как два ущелья' [пер. автора]. Монголизм *хапчаан* в фрагменте олонхо «Булаадыр Богатырь» (сев.-зап.) выступает в качестве образного сравнения, описывающего столкновение двух богатырей из Нижнего и Срединного миров. В данном контексте лексема *хапчаан* передает идею непоколебимости и мощи богатырей, что усиливает драматизм сцены битвы.

Буом

Як. *буом* 'всё, что препятствует кому-либо; препятствие, преграда; трудный переход; тесное место, ущелье' [44, с. 558; 9, с. 133] < монг., халх. *боомт* '1) застава, пограничный пункт; укрепленное ущелье; крепость; 2) преграда, препятствие, помехи' [49, Т. 1, с. 413]; халх. *боом* 'мыс, выдающаяся скала' [49, Т. 1, 413]. По мнению Ст. Калужинского, монгольские формы восходят к основе *boɣu-*, засвидетельствованной в Сокровенном сказании монголов в виде *бо'о-*, а также в бурятском языке в форме *боо-* 'сдерживать, запрещать, блокировать' [11, с. 133]. М. Ряснен в труде «*Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*» указывает на реконструируемую форму **boɣum*, сопоставляя её с як. *буом* 'всё, что препятствует кому-либо'; ойр. и др. *pōit* 'трудный переход через скальные участки на берегу реки', саг. *rom*; а также с як. *буом-ча* 'преграда' < монг. *bogum* 'преграда' < *bogu* 'преграждать'. Далее исследователь отмечает возможную параллель с тюрк. *boɣ* 'душить' и як. *буој* 'запрещать' [57, с. 78–79].

Первоначальное значение монгольского *боомт* 'укрепленное ущелье, преграда' в процессе заимствования претерпело семантическое расширение, перейдя в более обобщенное значение 'препятствие, тесное место, трудный переход'. Данный сдвиг обусловлен адаптацией термина к природно-географическим условиям Якутии, где топографическая лексика нередко приобретает более широкий спектр значений. В условиях северных территорий, где горные ущелья и труднопроходимые места представляют собой важные ориентиры и могут играть стратегическую роль в жизнеобеспечении народов.

В олонхо «Алангхага төрөөбүт айаас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» лексема *буом* выступает в переносном значении 'препятствие, преграда', подчёркивая отсутствие трудностей на пути героя: *Туох да буома, боһоло суох / Очуллаан Чочуллаан бухатыыр / Абыс шилээх саҕалаах / Аан ийэ дойдутугар тиийдэ* [28, с. 84] досл. 'Без преград и несчастий / Очуллаан Чочуллаан богатырь / В восьмигранную-восьмикрайнюю / В страну родную долетел' [пер. автора]. Это подтверждает, что термин не только сохраняет своё изначальное топографическое значение, но и приобретает метафорический смысл в якутском фольклоре.

Дойду

Лексема *дойду* (*дайды*) в якутском языке имеет глубокое и многозначное семантическое поле, включающее значения 'обширная площадь, ровное место; страна, сторона, край, местность (не болотистая и не каменистая); село, селение (поселение), поместье, владение, округ, область, земля, государство, часть света; родимое место, родина, отечество; земли-уголья, покос, покосное место' [44, с. 665]; 'обширная площадь, ровное место', 'страна, сторона, край, местность', 'область', 'государство', 'земля, часть света' или 'этот мир' [11, с. 66]. Данный

ландшафтный термин также является монголизмом и, по мнению В. И. Рассадина, вероятнее всего был заимствован в якутский язык из бурятского [11, с. 66]; бур. *дайда* означает ‘земля-местность, мир’ [45, с. 176]; бур. *дайда* ‘1. 1) земля; 2) местность, место; пространство’ [55, с. 251].

Данный термин играет ключевую роль в картине мира якутского народа и находит отражение в эпосе олонхо, где мир представлен в трёх сферах: Верхнем – *Үөһэ Дойду* ‘Верхний мир’ [пер. автора], Среднем – *Орто дойду* ‘Срединный мир’ [пер. автора] и Нижнем – *Аллара дойду* ‘Нижний мир’ [пер. автора]. В олонхо «Алангхага төрөөбүт айаас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» (центр.) ландшафтный термин *дойду* упоминается множество раз, например, при описании Срединного мира – родины главного героя олонхо: *Үрдүк үтүө киһи гизинин / Үөскээбит үтүө дойдутун / Төрөөбүт төрүт буорун <...> Туйгун туруу дьабыл дойдутун / Өйдөөн, дьүһүлээн көрөн турдахка / Оргуйар муора улабалаах <...> Айгыр уу алыннаах / Чэнгээх үөдөн түгэхтээх / Сибэтиэй буор ортолоох <...> Уолан бараммат уулаах / Охтон бараммат мастаах / Ороһулаан төрүүр торбостоох / Ойуныхтаан үөскүүр кулуннаах / Ойон тахсар күннээх / Көңүлүнэн үөскээбит көй кэрэ дойду / Күтүр үтүө өттө көнтөс көбүлүгэр / Күөлүргэхтээн үөскээбит (эбит)* [26, с. 32, 34] досл. ‘Человека благородного / Родную страну славную / Землю изначальную <...> Нарядную страну его благословенную / Если внимательно рассмотреть / Море кипящее – край её <...> Вода чистая – основа её / Бездна-ад ледяная – дно её / Земля святая – середина её <...> С водой неубывающей / С деревьями крепкими / С телятами поздно рождающимися / С жеребятами, прыгая рождающимися / С солнцем, прямо восходящим / Страны прекрасной вольно зародившейся / Стороны крепкой на лоне благородном / Раскинувшись, расцвела, оказывается’ [26, с. 33, 35].

В данном фрагменте олонхо описание Срединного мира – *дойду* предстает в форме богатого, многосоставного образа, включающего элементы природного ландшафта, символику процветания и космологические представления. Срединный мир воспринимается как родная земля героя, наполненная живительной энергией, священным смыслом и природным изобилием. В тексте упоминаются устойчивые эпитеты *үөскээбит үтүө дойду / төрөөбүт төрүт буор* ‘родная страна славная / земля изначальная’, описания рельефа *чэнгээх үөдөн түгэхтээх / сибэтиэй буор ортолоох* – ‘бездна-ад ледяная – дно её / земля святая – середина её’, флоры и фауны *охтон бараммат мастаах / ороһулаан төрүүр торбостоох / Ойуныхтаан үөскүүр кулуннаах* – ‘С деревьями крепкими / С телятами поздно рождающимися / С жеребятами, прыгая рождающимися’, что формирует целостный образ пространства, наполненного жизненной силой. Таким образом, в олонхо Т. В. Захарова – Чээбий *Орто дойду* ‘Срединный мир’ выступает не просто сценой событий, а самостоятельным мифологизированным пространством, где каждая деталь подчеркивает идею гармонии, святости и незыблемости мира предков.

В олонхо вилюйского сказителя В. О. Каратаева «Ого Тулааых Богатырь» (вил.) миры вновь предстают как неразрывно связанные элементы сакрального космоса, где Срединный мир (*Орто дойду*) является местом проживания героев и сакральным пространством, требующим защиты: *Үөһээ дойдуттан / Үргүөр үргүйбэт гына / Аллараа дойдуттан / Аргыар аргыйбат гына / Орто дойдунан / Хааман кэллэхтэринэ / Сарайар сарыннарынан хаххалааннар / Дойду баһыгар сурабыранныр / Аба баһыгар аатыранныр / Тобус үрэжинэн сурабыранныр / Ол курдук улуу дьон буолан / Олорбуттар эбит* [27, с. 110–111] досл. ‘Так они зажили / В почёте и славе / Что из верхнего мира / Сквозняком на них не дуло / Из нижнего мира / Ветром стылым не веяло / А коли из стран срединного мира / Пешие враги наседали / Плечами широченными заслоны ставили / Прославились они до самых дальних границ / Стяжали себе уваженьё родов / Да на шири девяти рек / Величайшим народом / Называться стали’ [27, с. 165]. Описание трех миров строится на антитезах: из Верхнего мира (*Үөһэ дойду*) «сквозняком не дуло», из Нижнего мира (*Аллараа дойду*) «ветром стылым не веяло», что подчеркивает закрытость и защищенность Срединного мира (*Орто дойду*), его сакральную целостность.

В олонхо «Догдогоно турагас аттаах, тура-сююрэ төрүөбүт Дугуйа Бөгө» (сев-вост.): *Мындара* биллибэт / Быдан ыраах дойду / Быттыгар былааста / Холобура биллибэт хол дойду / Хоннобор холбосто* [25, с. 49] досл. 'Укрылся в подмышке / Без конца и края огромной / Невиданной дальней страны' [пер. автора]. Выражение *хол дойду* досл. 'далекая страна' [пер. автора] интересно тем, что содержит монголизм *хол* '1. даль; 2. далёко, далеко; вдали; 3. далекий, дальний' [49, Т. 4, с. 955], который в современном якутском языке вышел из активного употребления, уступив место исконному *ыраах* с тем же значением. Это подтверждает, что некоторые монгольские заимствования сохранились исключительно в эпических текстах, подтверждая архаичную форму олонхо и придавая олонхо особый стилистический колорит, связанный с древними представлениями о пространстве и удаленности.

Урусхал

Следующим примером является лексическая единица *урусхал* 'нанесенные водою деревья, нанос, наносок, наносник, плавник (деревья, которые плывут по течению реки и то там, то сям выбрасываются на берег = *урусхал мас*' [52, с. 3073]; 'наносник, плавник' [11, с. 66] < монг., халх. *урсгал* '1. течение, поток; циркуляция; прохождение' [49, Т.3, с. 1097]. На монгольское происхождение данной лексической единицы указывают Э. К. Пекарский [52, с. 3073], В. И. Рассадин [11, с. 66] и М. Рясянен: як. *urusxal*, *rusxal* 'нанесённые водою деревья' восходят к *urusxal* 'течение' и монг. *urus-qal* 'течение, поток' (букв. «течь, струиться») [57, с. 516].

В олонхо «Алангхага төрөөбүт айаас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» встречается использование данной лексемы в следующем контексте: *Бу абыс үөстээх анаар байаҕал хотунна / Уһун унуохкун урусхал мас кынан / Уһаарар кунум буолла* [26, с. 324] досл. 'В великое Анаар море с восемью руслами / Кости твои длинные в деревья-плавники превратив / Сплавить час мой настал' [26, с. 325]. В приведенном фрагменте олонхо ландшафтный термин *урусхал* употребляется в составе выражения *урусхал мас*, которое передаёт образ древесного плавника, выброшенного на берег в результате природных процессов. Стилистическое использование данной лексемы отражает двойственность значения: с одной стороны, передаётся конкретное природное явление – поток, несущий древесные обломки, а с другой – создаётся метафора неумолимого хода времени и перемен.

Итак, рассмотренные в рамках настоящего исследования монголизмы в якутской ландшафтной терминологии демонстрируют значительное влияние монгольского языка на формирование лексического фонда якутского языка. Заимствованные наименования природных объектов не только отражают исторические миграционные процессы, но и фиксируют элементы культурной памяти, сохранившиеся в якутском героическом эпосе олонхо. В олонхо они приобретают сакральное значение, вписываясь в мифологическую картину мира и участвуя в конструировании этнокосмологических представлений якутов. Семантическая адаптация заимствованных лексем в условиях северной природной среды свидетельствует о глубокой языковой интерференции и устойчивости монголизмов в якутском языке.

Монголизмы в терминологии природных и атмосферных явлений

Особое место в лексиконе якутов занимают термины, обозначающие природные и атмосферные явления, многие из которых имеют монгольское происхождение. Монголизмы в данной сфере отражают процесс адаптации предков якутов к новым климатическим условиям при переселении на север. Эти заимствования зачастую несут в себе не только номинативную, но и культурно-символическую нагрузку, что особенно проявляется в традиционных верованиях и фольклоре, включая олонхо.

Дьыбар

Дьыбар 'утренний и вечерний мороз' [9, с. 22]; '1) увеличивающийся при восходе и заходе солнца холод, утренний и вечерний мороз, утренник, наморозь, мороз; 2) иней' [11, с. 66; 44, с. 878]; 'утренний и вечерний мороз зимою' [13, с. 23]; 'мороз (утренний и вечерний)' [46, с. 177]; восходит к монг., письм.-монг. *jIBAR*, халх. *жавар*, бур. *жабар*, калм. *живр*, *жавр*

‘прохлада, свежесть; ветер-верховик’ [58, с. 70]; письм.-монг. *žibar*, бур. *zabar*, халх. *džawer* ‘свежая прохлада; ветер утром и вечером, прохлада, свежесть, мороз’ [9, с. 22]. Наряду с Ст. Калужинским [9, с. 22] и В. И. Рассадиным [11, с. 66], Н. К. Антонов также отмечает монгольское происхождение термина: бур. *жабар* ‘ветер-верховник, хиус; стужа, холод’ [13, с. 23]. Как отмечает А. В. Дыбо, «слово вполне может быть восстановлено как прасеверомонгольское» [59, с. 1384]. Сравнение значений показывает, что в монгольских языках термин изначально имел более широкое значение, связанное с холодом и свежестью воздуха, тогда как в якутском языке *дьыбар* приобрел узкоспециализированное значение, относящееся к конкретным погодным условиям, характерным для климата Якутии. Таким образом, произошла локализация значения, обусловленная климатическими особенностями северных территорий.

Одним из ярких примеров употребления *дьыбар* в якутском эпосе является олонхо «Ого Тулаайах Богатырь» (вил.), где слово описывает суровые природные условия, сопровождающие путешествие героя: *Тымныы хонугу хонон / Дьыбардаах айаны айаннаан / Өр бириэмэбэ айаннаабытын кэнниттэн* [27, с. 95] досл. ‘Ночевал на морозе / Ехал в стужу / Одолев так дорогу муторную’ [27, с. 150]. Использование данной лексемы в контексте путешествия героя отражает традиционное представление о якутском эпическом мире, где природные стихии выступают как полноценные участники повествования, определяющие характер и сложность испытаний. Таким образом, семантическое наполнение термина *дьыбар* в олонхо выходит за рамки номинативного значения и приобретает экспрессивно-стилистическую функцию, усиливая атмосферу и эмоциональное воздействие на слушателя.

Салгын

Лексическая единица *салгын* ‘ветерок, движение (струя) воздуха; воздух, атмосфера’ [11, с. 66; 42, с. 2049]; ‘воздух, ветер, поветрие’ [13, с. 23] имеет монгольское происхождение, письм.-монг. *SALKIN* (*salqin*), что подтверждается соответствующими формами в современных монгольских языках: халх. *салхи(н)*, бур. *халхин* ‘ветер, прохлада, холод’ [53, с. 86]; Н. К. Антонов считает, что лексема по значению совпадает с халх. *салхин* ‘ветер, воздух, поветрие’ [13, с. 23]. Н. Nugteren проведён сравнительно-исторический анализ монгольской лексемы *salkin* ‘ветер’, в ходе которого зафиксированы её рефлексy в ряде монгольских и родственных языков, включая письм.-монг. *salki(n)*, халх. *salxi(n)*, бур. *halxi(n)*, орд. *salkin*, калм. *sal'kn*, даг. *salgən* и др. [51, с. 481–482]. Системная представленность лексемы во всех основных ветвях монгольских языков в значении ‘ветер’ позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что слово имеет исконно монгольское происхождение. Этот вывод находит подтверждение и в исследовании А. В. Дыбо и соавторов, в рамках которого исследователями осуществлён лексико-семантический и диалектологический анализ монгольской лексемы *salkin* ‘ветер’ на материале различных монгольских языков и говоров. Систематизированы типы употребления, отражены диалектные и исторические формы, проанализировано функционирование в эпических текстах. Авторами отмечено отсутствие *salkin* в памятниках среднемонгольского периода, где использовалось *kei*, и выдвинута гипотеза о заимствовании *salkin* в тюркские языки в имперский (среднемонгольский) период [59, с. 1377].

В якутском языке лексема *салгын* является литературным словом и встречается в традиционной фольклорной поэзии. Например, в олонхо «Алангхага тёрёёбют айаас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» (вил.) термин выполняет важную образно-символическую функцию: *Толбонноох ньуургун кэм-дам көхсүбэр саба тут / Мин атым айаныгар / Сырайгын-харахкын тыал быһыта сынһыа / Харахкын-сырайгын көй салгын салыаҕа* [26, с. 330] досл. ‘Лик свой сияющий за спину мою спрячь / Во время езды коня моего / Лицо твоё ветер сильный хлестать будет / Лицо твоё воздух морозный лизать будет’ [26, с. 331]. Приведенный фрагмент олонхо представляет собой пример диалога, в котором главный герой обращается к своей возлюбленной перед тем, как она поднимается на его коня. Этот эпизод подчеркивает заботу о возлюбленной и одновременно демонстрирует мощь природных стихий, сопровождающих героев эпоса.

Лексема *салгын* в таком контексте подчеркивает динамику и суровость природных условий, с которыми сталкиваются герои олонхо. Кроме того, повторение образов ветра и мороза служит усилению поэтического воздействия текста и отражает архаичные представления о природе как об активной силе, взаимодействующей с человеком.

Быдаан

Быдаан ‘густой дым, густой туман (при сильном морозе)’ [60, Т. 2, с. 672]; *будаан*, *быдаан* ‘туманный, туман’ [44, с. 535] < монг., письм.-монг. *BUDANG* [**buda-ng*], халх., бур. *будан(г)*, калм. *будң* ‘туман, мгла’ [45, с. 107]; *будан(г)* ‘мгла, легкий туман; дымка, марево’ [49, Т. 1, с. 419]. Исследователи Ст. Калужинский и В.И. Рассадин также возводят як. *будаан*, *быдаан* ‘туман’ к монголизмам [11, с. 66; 9, с. 26]. Данные Н. Nugteren демонстрируют широкую представленность реконструируемой формы *budaŋ* ‘туман’ в монгольских языках: среднемонг. *budan*, письм.-монг. *budang*, халх. *budan(g)*, орд. *budaŋ*, бур. *budan(g)*, калм. *будң*, вост. уйг. *budaŋ* [51, с. 289]. Таким образом, якутская лексема *быдаан* (*будаан*), обладающая фонетическими соответствиями с рядом форм в монгольских и родственных языках, с высокой степенью вероятности восходит к общемонгольской основе *budaŋ*. Многообразие параллелей в живых и исторических монгольских идиомах, приведённое Н. Nugteren, позволяет идентифицировать данную единицу как монголизм в составе якутского языка.

Семантическое развитие слова *быдаан* (*будаан*) демонстрирует сужение и специализацию значения: если в монгольских языках оно охватывает широкий спектр явлений, связанных с туманом и дымкой, то в якутском языке термин приобрел климатически обусловленный оттенок, обозначая ‘густой дым, густой туман при сильном морозе’. Данный процесс отражает адаптацию заимствованной лексемы к природным реалиям Якутии, где в условиях экстремально низких температур возможно образование плотного тумана, характерного для зимнего периода, т.е. мы наблюдаем переход в сторону северного биоценоза. В олонхо «Ого Тулаайах Богатырь» (вил.) зафиксировано следующее использование термина: *Сан дьааһык сангалаах / Кэри-куру кэпсэллээх / Ыыс-быдаан ырыалаах / Туман-тураа тойуктаах* [27, с. 63] досл. ‘Грусть наводя словом / Дым испуская песней / Туман насылая слогом’ [27, с. 119]. В данном фрагменте лексема *быдаан* используется в переносном смысле, усиливая атмосферу загадочности и мрачности. Этот образ создается в контексте появления Ёксёкю Кыыл – могущественной нечистой силы из Нижнего мира, трехглавого орла, символизирующего хаос и разрушение. Стихия дыма и тумана, сопровождающая его речь, подчёркивает мистическую природу персонажа, его связь с потусторонними силами и угрозу, исходящую от него. Как подчеркивает Е. И. Избекова: «Природные явления предвосхищают, сопровождают какие-либо грозные события» [43, с. 32].

Унаар

Унаар ‘марево, сухой туман; летний жар с синим оттенком воздуха; дрожание воздуха в жаркий день, колебание ветерка’ [52, с. 3016] восходит к монг., письм.-монг. *UNIYAR* (*uni-ya-r*), халх. *униар*, бур. *уняар*, калм. *уняр* ‘мгла, дымка’; бур. ‘дым от лесного пожара; весеннее марево’ [53, с. 199]; ‘дымка, мгла; туман’ [49, Т. 3, с. 744]. На монгольское происхождение данной лексемы указывают в своих работах ряд исследователей. Так, Ст. Калужинский производит як. *unār* ‘солнечный дым’ от монг., письм.-монг. *unijar*, калм., бур., халх. *unār* ‘солнечный дым; туман’ [9, с. 32]; В. И. Рассадин относит як. *унаар* ‘марево, сухой туман; дрожание воздуха’ к бурятизмам: [11, с. 66]; Н.К. Антонов также указывает на заимствование: як. *унаар* ‘марево, сухой туман’ исследователь возводит к монг. *униар* ‘дымка, мгла’ [13, с. 23]. Семантическая адаптация термина *унаар* в якутском языке заключается в его расширении и приспособлении к местным климатическим условиям. Если в монгольских языках лексема охватывает широкий спектр значений, связанных с туманом и дымкой, то в якутском языке она приобретает дополнительную стилистическую и климатическую специфику, обозначая характерное для летнего периода марево и преломление воздуха в условиях высокой температуры.

Использование автором лексемы *унаар* в олонхо «Алангхага төрөөбют айаас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» (центр.) демонстрирует пример семантического переосмысления заимствованной лексемы. Первоначально связанное с атмосферными явлениями, это слово обогащается новыми значениями, вписываясь в традиционные формулы напутствия и благословения. В данном контексте оно становится символом легкости, плавности и удачи, подтверждая особую роль природных метафор в якутском эпическом наследии: *Тобус тобойдоох дорбоон айан суола / Көнбүөс торбо курдук / Күөх унаар аартык буолан арылыннын* [26, с. 102] досл. 'Пусть дорога дальняя с девятью изгибами / Как ткань зеленая / Тропой широкой с дымкой откроется' [26, с. 103].

Көмнөх

Көмнөх '1. снег, осевший на ветвях деревьев и на кустах, кухта; 2. пожелтевшая хвоя в период опадания, старая хвоя' [44, с. 1137]; 'снег, осевший на ветвях деревьев и на кустах' [13, с. 23] в монгольском лексема халх. *хөмнөг*: *хөмнөг цас* означает 'снежная пороша' [53, с. 166]. Н. К. Антонов и В. И. Рассадин указывают на бурятское происхождение лексемы, связывая як. *көмнөх* 'кухта' [11, с. 66] с бур. *хүмэнэг* 'снежная пороша' [13, с. 23]. Э. К. Пекарский также относит як. *көмнөх* к бурятизмам, приводя форму *көбэнэк* [44, с. 1137]. Якутская лексема демонстрирует семантическое развитие: в дополнение к значению, связанному с осевшим снегом, она приобрела также значение пожелтевшей хвои. Такое расширение можно интерпретировать как результат метафорического переосмысления, основанного на визуальной аналогии между лёгким снежным покровом и слоем опавшей хвои. Это свидетельствует о вторичной адаптации заимствованной единицы в условиях иного природного контекста и языковой системы.

Интересной иллюстрацией является употребление лексемы *көмнөх* в олонхо «Алангхага төрөөбют айаас ала аттаах Ала Булкун Богатырь» (центр.): *Кинкиниир киэн халлаан кинээһэ буолбут / Көмнөхтөөх күтүр халлаан сүүнэтэ буолбут <...> Таас Хантар оёньор диэн / Былыр эдэр сэнил эрдэжинэ / Киэн мабан халлаанга кинээһинэн олобута үһү* [26, с. 268] (досл.) 'Высокого неба гулко звенящего князем ставший / Огромного неба снежного великим ставший <...> Таас Хантар старик / В годы былые, в лета молодые / На широком небе белом князем был, говорят' [26, с. 269]. В контексте олонхо лексическая единица *көмнөхтөөх* приобретает эпическое значение, усиливая образ величия и возвышенности героя. Кроме того, в строках прослеживается метафорическое использование природных явлений (снега, неба) для выражения высокого социального статуса персонажа, что является характерной чертой олонхо как жанра.

Чабылбан

Лексема *чабылбан* 'молния (мгновенный разряд скопившегося атмосферного электричества в воздухе)' [60, Т. 14, с. 86]; *чабалбан* 'молния' [11, с. 66; 9, с. 46] < монг., письм.-монг. *ŠAKILγAN* (*šaki-lyan*), халх. *цахилгаан* 'молния; электричество', бур. *сахилгаан* 'молния' [45, с. 131]. Семантическое ядро данных лексем в монгольских языках связано с понятием молнии как явления, сопровождающегося световым и электрическим эффектом. Это значение сохраняется и в якутском языке, однако, в отличие от более абстрактного понимания *цахилгаан* как 'электричество' в современном халха-монгольском, в якутском заимствование сохраняет узконаправленное природно-метеорологическое значение 'молния'. Фонетическая адаптация в якутском языке отражает регулярные процессы: монг. аффриката [ʧ] в начальной позиции переходит в як. [ч], монг. фриктив [γ] адаптируется в виде як. [б].

В олонхо «Догдогоно турагас аттаах, тура-сююрэ төрөөбют Дугуйа Бөгө» (сев.-вост.) лексема *чабылбан* встречается при описании дома главного героя: *Таххар күн чабылбан сырдыга / Киирэр күн кильбиэннээх сыддыга / Киирдин диэн / Төгүрүччү бэйэтигэр / Түөртдүүн түннүктээх* [25, с. 29] 'Чтобы восходящего солнца яркие как молния лучи / И заходящего светила ослепляющее свечение / Со всех сторон освещали / Сорок окон было' [пер. автора]. Употребление лексемы в данном контексте подтверждает её устойчивое функционирование в эпических текстах олонхо, где она используется не только в значении 'молния', но и в более ши-

роком смысле, передавая представления о ярком свете, блеске и сиянии. Это свидетельствует о высокой степени интеграции заимствования в якутскую языковую систему и его семантическом развитии в пределах литературного и фольклорного языкового пласта.

Долгун

Лексическая единица *долгун* в якутском языке имеет значение ‘волна; волнение воды, буря’ [44, с. 733; 11, с. 66] и представляет собой заимствование из монгольского языка, письм.-монг. *DOLGIN* (*dolgi-n*), его аналог встречается в бурятском языке *долгин* также обозначает ‘волна’ [45, с. 188], в халха-монгольском языке *долгин* приобрело переносное значение ‘ретивый; легко-мысленный’ [45, с. 188], что, вероятно, связано с изменчивой природой волн. На монгольское происхождение як. *долгун* указывают Ст. Калужинский и Г. В. Попов, классифицируя данную единицу как монголизм [11, с. 66; 46, с. 162]. Лексема *долгун* отражает характерную модель фонетической адаптации монгольских заимствований в якутском языке, включающую сохранение начального согласного [д] и огубление гласного [i] в [y] под действием вокальной гармонии якутского языка.

В олонхо слово *долгун* входит в состав сложных эпитетов и устойчивых образных выражений, что соответствует традиционному эпическому стилю. *Урумэ долгун уктэллээх / Урун чэчир сэргэлээх / Үүт мабан аттаах / Өтөлөөх (Өтөбөлөөх) Урун Айыы тойон оёньор, эһэм* [26, с. 392, 394] (досл.) ‘С поступью пенистой и волнистой / С коновязью беловеточной / С конем белым / Старик Тойон Юрюнг Айыы, дед мой’ [26, с. 393, 395]. В данном отрывке оно включено в конструкцию *урумэ долгун уктэллээх*, которая может быть интерпретирована как ‘со ступенью пенистой и волнистой’. Здесь слово *долгуннаах* (досл.) ‘имеющий волну, бурный’ [пер. автора] употребляется для характеристики пространства, его динамики и состояния. Контекст показывает, что описанная ступень (*уктэл*) является не просто элементом архитектуры или природного рельефа, но сакрализованным пространством, связанным с высшими божественными силами. Её атрибуция эпитетом *долгуннаах* подчеркивает живую, изменчивую природу, что типично для олонхо, где неодушевленные объекты часто одушевляются и наделяются способностью к движению и видоизменениям.

Таким образом, монголизмы в терминологии природных и атмосферных явлений якутского языка демонстрируют сложные процессы языковой адаптации, обусловленные как внешними историко-культурными контактами, так и внутренними особенностями природных условий региона. В ходе развития языка заимствованные лексемы не только сохраняли свое базовое значение, но и претерпевали семантические сужения, расширения или специализацию в соответствии с якутской языковой картиной мира. Особенно показательно их использование в текстах олонхо, где эти термины приобретают экспрессивно-символическую функцию, становясь неотъемлемыми элементами эпического повествования. Это подтверждает лингвистическую и культурную значимость монгольских заимствований, которые стали важной частью национального самосознания якутского народа и его традиционной мифопоэтической системы.

Заключение

Рассмотрение монгольских заимствований в якутском героическом эпосе олонхо позволяет глубже понять процессы языкового взаимодействия и адаптации, происходившие в ходе многовековых контактов якутов с монголоязычными народами. Исследование показало, что монголизмы, особенно в области ландшафтной и природно-атмосферной терминологии, не только сохранились в языке олонхо, но и приобрели сакральное и мифопоэтическое значение. Эти заимствования являются важными маркерами этнокультурной истории народа, отражающими миграционные процессы, природные реалии, космологические представления и мироощущение якутов.

В ходе исследования зафиксировано 15 лексических единиц, представляющих собой монгольские заимствования, связанные с наименованиями объектов неживой природы, из которых 8 обозначают ландшафтные объекты, а 7 – природные и атмосферные явления. Анализ текстов

олонхо, принадлежащих сказителям, представляющим разные диалектные территории, выявил, что монголизмы представлены во всех диалектных зонах якутского языка, что подтверждает их устойчивость и значимость в формировании общей языковой картины мира якутов. Равномерное распространение монголизмов в языке олонхо по диалектным зонам якутского языка, указывает на то, что монголизмы в якутский проникли в более ранний период до переселения предков якутов на нынешнюю территорию обитания. Особое внимание уделяется семантической адаптации монголизмов в якутском языке, проявляющейся в смещении значений заимствованных лексем в сторону реалий, характерных для северной природной среды.

Таким образом, анализ монгольских заимствований в олонхо демонстрирует взаимосвязь между языком, мифопоэтической традицией и исторической памятью народа. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований в области исторической лингвистики, этнолингвистики и сравнительного изучения тюрко-монгольских языковых контактов.

Литература

1. Сорошевский В.Л. *Якуты: опыт этнографического исследования*. Москва: Рос. полит. энцикл.; 1993:736.
2. Ойунский П.А. *Якутская сказка, её сюжет и содержание*. Якутск: Сайдам; 2013:96.
3. Ксенофонтов Г.В. *Ураангхай-сахалар. Т. 1.: Очерки по древней истории якутов*. Якутск: Книжное издательство; 1992:416.
4. Окладников А.П. *История Якутской АССР. Т. 1.: Якутия до присоединения к Русскому государству*. Москва; Ленинград: Академия наук СССР; 1955:432.
5. Слепцов П.А. Язык олонхо: лексика, семантика. В кн.: Слепцов П.А. *Ступени и проблемы якутского языкознания*. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН; 2008:337-353.
6. Анисимов Р.Н., Корякина Р.В. Лексемы-историзмы якутского эпоса, имеющие параллели в монгольских языках. Часть I. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Эпосоведение*. 2021;23(3):88-109. <https://doi.org/10.25587/g5223-4992-9053-u>.
7. Бетлингк О.Н., Рассадин В.И. (пер. с нем.) *О языке якутов*. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение; 1990:644.
8. Radloff W. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkischen Sprachen*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук; 1908:86 (на немецком яз.).
9. Kałużyński St. *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo; 1961:170 (на немецком яз.).
10. Kałużyński St. *Iacutica. Prace jakutozawcze*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog; 1995:406 (на польском и рус. яз.).
11. Рассадин В.И. *Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках*. Москва: Наука; 1980:116.
12. Рассадин В.И., Дыбо А.В. (ред.) *Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2019:608.
13. Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск: Книжное издательство; 1971:174.
14. Антонов Н.К. *Исследования по исторической лексике якутского языка: фонетические особенности именных основ*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2019:303.
15. Убрятова Е.И. *Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским*. Москва: Издательство восточной литературы; 1960:13.
16. Широбокова Н.Н. *Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири*. Новосибирск: Наука; 2005:268.
17. Левин Г.Г. *Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками)*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2013:439.
18. Егинова С.Д., Зайнуллин М.В. (отв. ред.) *Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками)*. Новосибирск: Наука; 2014:41-188.

19. Шамаева А.Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Якутск: 2012:270.
20. Малышева Н.В., Старостина Я.Е. Лексико-семантические особенности апеллятивных единиц якутского и монгольского языков (по материалам когнитивной сферы «признаки водоёмов и водных потоков»). *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018;7(2):59–63.
21. Малышева Н.В., Божедонова А.Е., Старостина Я.Е. Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2018; 11(2):102-109.
22. Malysheva N.V., Bozhedonova A.E., Starostina Ya.E. Comparative analysis of the Yakut-mongolian parallels (the case of the horse coat color). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018;7(3):233–244 (на английском яз.).
23. Малышева Н.В., Турантаева Н.В. Когнитивные стратегии номинации объектов живой природы в лексике олекминских якутов. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2023; 20(2):74-86. 10.25587/SVFU.2023.31.52.007. – EDN PJNFFO.
24. Малышева Н.В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты): Дис. ... докт. филол. наук. Москва: 2024:503.
25. Өймөкөөн олонхолоро = Оймяконские олонхо. В кн.: Илларионова Т.В. (отв. ред.) *Саха боотурдара*: 21 т. Т.19. Дьокуускай: Бичик; 2017:192 (на якутском и рус. яз.).
26. Захаров Т.В. – Чээбий. *Ала-Булкун богатырь*. Якутск: Алаас; 2018:520 (на якутском и рус. яз.).
27. Каратаев В.О., Илларионова Т.В. (отв. ред.), Шапошникова А.Е. (пер. на рус. яз.), Неустроева В.К. (пер. на англ. яз.) *Ого Тулаайах бухатыыр = Богатырь Ого Тулаайах = Ogo Tulaaiaakh Warrior*. Якутск: Алаас; 2017:232 (на якут., рус., англ. яз.).
28. Хотугу сахалар олонхолоро = Олонхо северных якутов. В кн.: Илларионова Т.В. (отв. ред.) *Саха боотурдара*: 21 т. Т. 21. Дьокуускай: Бичик; 2019:304 (на якутском яз.).
29. Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов): Дис. ... докт. филол. наук. Москва: 2003:493.
30. Габышева Л.Л. Символическое значение номинаций металлов в эпосе якутов и других тюркских народов. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 2012;9(3):115–120.
31. Габышева Л.Л. Традиционная картина природы в олонхо: глубинный смысл. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Эпосоведение*. 2019;15(3):78–87. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.15.36601>.
32. Габышева Л.Л. Культурные коннотации ландшафтных терминов в якутском эпосе олонхо. *Litera*. 2019;(6):284–290.
33. Габышева Л.Л. Номинации частей якутского традиционного жилища: языковые и мифологические структуры. *Филология: научные исследования*. 2019;(6):207–216.
34. Готовцева Л.М. Наименования одежды в героическом эпосе олонхо. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Эпосоведение*. 2016;1(1):106–114.
35. Готовцева Л.М. Семантика наименований головного убора и ее деталей в якутском героическом эпосе – олонхо. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015;50(8-2):60–62.
36. Готовцева Л.М. Лексика традиционной одежды саха в текстах олонхо. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2016;16(3):95–102.
37. Дьячковский Ф.Н. Лексико-семантический уровень репрезентации концепта «судьба» (на материале олонхо «Кыыс Дэбийиэ» Н. П. Бурнашева). *European Social Science Journal*. 2012;22(6):111–118.
38. Афанасьева Е.Н. Этнокультурная специфика терминов родства в тексте якутского эпоса-олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;12(6):348–351.
39. Роббек Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Москва. 2009:179.
40. Роббек Л.В. Дефиниция слова в словаре языка якутского эпоса олонхо. *Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2012;(1):92–94.
41. Роббек Л.В. *Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо*. Новосибирск: Наука; 2014:140.
42. Николаев Е.Р. Семантические особенности диалектной лексики олонхо М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арбас Баай Хотун». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024;17(7):2182–2189. <https://doi.org/10.30853/phil20240312>.

43. Избекова Е.И. *Числительные в олонхо: структура и семантика*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2014:152.
44. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 1. Ленинград: Издательство АН СССР; 1959:1200.
45. Санжеев Г.Д. и др. *Этимологический словарь монгольских языков*: в 3 томах. Т. 1: А–Е. Москва: Институт востоковедения РАН; 2015:224.
46. Попов Г.В. *Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдьыта*. Ч. 1: А–Дь. Новосибирск: Наука; 2003:179.
47. Жигачева Е.С. Концепт Байкал в региональной лингвокультуре: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 2015:254.
48. Цендина А.Д. *Желтая история (Шара туджи)*. Москва: Наука. Восточная литература; 2017:406.
49. Пюрбеев Г.Ц. *Большой академический монгольско-русский словарь*. В 4-х т. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с.; Т. 4. Х–Я. 532 с. Москва: Academia; 2001:520 (Т. 1); 2001:440 (Т. 3); 2002:532 (Т. 4).
50. Щербак А.М. *Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков*. Санкт-Петербург: Наука; 2005:195.
51. Nugteren H. *Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages*. The Netherlands: LOT; 2011:563 (на английском яз.).
52. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 3. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР; 1959:3858.
53. Санжеев Г.Д. и др. *Этимологический словарь монгольских языков*: в 3 томах. Т. 3: Q–Z. Москва: Институт востоковедения РАН; 2018:240.
54. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*. Москва: Наука; 2001:822.
55. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Бурятско-русский словарь*: в 2 томах. Т. 1: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская типография; 2006:635.
56. Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И. *Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские лексические основы на буквы К–Қ*. Москва: Языки русской культуры; 1997:368.
57. Räsänen M. *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; 1969:533 (на немецком яз.).
58. Санжеев Г.Д. и др. *Этимологический словарь монгольских языков*: в 3 томах. Т. 2: G–P. Москва: Институт востоковедения РАН; 2016:232.
59. Дыбо А.В. и др. Названия ветра в монгольских языках: этимология и семантика. *Oriental Studies*. 2024;17(6):1369–1399. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399>
60. Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка*. Т. 2; Т. 10; Т. 14. Новосибирск: Наука; 2005:908 (Т. 2); 2013:574 (Т. 10); 2017:591 (Т. 14).

References

1. Seroshevsky VL. *The Yakuts: An Ethnographic Study*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 1993:736 (in Russian).
2. Oiunsky PA. *The Yakut Fairy Tale: Its Plot and Content*. Yakutsk: Saidam Publ.; 2013:96 (in Russian).
3. Ksenofontov GV. *Uraangkhai-Sakhalar. Vol. 1: Essays on the Ancient History of the Yakuts*. Yakutsk: Book Publishing House; 1992:416 (in Russian).
4. Okladnikov AP. *History of the Yakut ASSR. Vol. 1: Yakutia Before Joining the Russian State*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1955:432 (in Russian).
5. Sleptsov PA. The Language of Olonkho: Vocabulary, Semantics. In: Sleptsov P.A. *Stages and Issues in Yakut Linguistics*. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2008:337–353 (in Russian).
6. Anisimov RN, Koryakina RV. Lexemes-Historicisms of the Yakut Epic with Parallels in Mongolic Languages. Part I. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies*. = *Bulletin of the North-Eastern Federal University. Epic Studies*. 2021;23(3):88–109 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/g5223-4992-9053-u>
7. Betlingk ON, Rassadin VI. (trans. from Ger.) *On the Language of the Yakuts*. Novosibirsk: Nauka Publ., Siberian Division; 1990:644 (in Russian).
8. Radloff W. *The Yakut Language in Its Relation to the Turkic Languages*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press; 1908:86 (in German).

9. Kałużyński St. *Mongolic Elements in the Yakut Language*. Warsaw: State Publishing House; 1961:170 (in German).
10. Kałużyński St. *Iacutica. Yakutological Studies*. Warsaw: Academic Publishing Dialogue; 1995:406 (in Polish).
11. Rassadin VI. *Mongol-Buryat Loanwords in Siberian Turkic Languages*. Moscow: Nauka Publ; 1980:116 (in Russian).
12. Rassadin VI, Dybo AV. (ed.) *Essays on the Formation of the Turkic-Mongolic Linguistic Community*. Saint-Petersburg: Nestor-History Publ; 2019:608 (in Russian).
13. Antonov NK. *Materials on the Historical Lexicon of the Yakut Language*. Yakutsk: Book Publishing House; 1971:174 (in Russian).
14. Antonov NK. *Studies on the Historical Lexicon of the Yakut Language: Phonetic Features of Nominal Stems*. Yakutsk: North-Eastern Federal University's Publishing House; 2019:303 (in Russian).
15. Ubryatova EI. *The Yakut Language in Its Relation to Other Turkic, Mongolic, and Tungusic-Manchu Languages*. Moscow: Eastern Literature Publishing House; 1960:13 (in Russian).
16. Shirobokova NN. *The Relationship of the Yakut Language to the Turkic Languages of Southern Siberia*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2005:268 (in Russian).
17. Levin GG. *Historical Connection of the Yakut Language with Ancient Turkic Languages of the 7th-9th Centuries*. Yakutsk: North-Eastern Federal University's Publishing House; 2013:439 (in Russian).
18. Yeginova SD, Zainullin M.V. (ed.) *Figurative Adjectives in the Yakut Language (Compared with Buryat and Kyrgyz)*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2014:41–188 (in Russian).
19. Shamaeva AE. Mongolic Parallels in the Dialect Lexicon of the Yakut Language. Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: 2012:270 (in Russian).
20. Malysheva NV, Starostina YaE. Lexical-Semantic Features of Appellative Units in Yakut and Mongolic Languages (on the Cognitive Sphere "Characteristics of Bodies of Water and Water Flows"). *Baltic Humanitarian Journal*. 2018;7(2):59–63 (in Russian).
21. Malysheva NV, Bozhedonova AE, Starostina YaE. Yakut-Mongolic Lexical Parallels in Naming Horse Coat Colors. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 2018;11(2):102–109 (in Russian).
22. Malysheva NV, Bozhedonova AE, Starostina YaE. Comparative Analysis of the Yakut-Mongolic Parallels (The Case of Horse Coat Color). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018;7(3):233–244.
23. Malysheva NV, Turantaeva NV. Cognitive Strategies of Nominating Living Nature in the Vocabulary of the Olekmin Yakuts. *Vestnik of North-Eastern Federal University = Bulletin of the North-Eastern Federal University*. 2023;20(2):74–86 (in Russian).
24. Malysheva NV. Origin of the Vocabulary of Living Nature: Onomasiology and Etymology (The Yakut Language and Its Dialects). Doctoral dissertation (Philology). Moscow: 2024:503 (in Russian).
25. Oymyakon Olonkho. In.: Illarionova TV. (ed.) *Sakha Baatylary*: vol. 21; vol. 19. Yakutsk: Bichik Publ.; 2017:192 (in Yakut and Russian).
26. Zakharov TV. – Cheebiy. *Ala-Bulkun the Hero*. Yakutsk: Alaas Publ.; 2018:520 (in Yakut and Russian).
27. Karataev VO, Illarionova TV. (ed.), Shaposhnikova AE. (Russian trans.), Neustroeva VK. (English trans.) *Ogo Tulaaiaakh Warrior*. Yakutsk: Alaas Publ.; 2017:232 (in Yakut, Russian and English).
28. Olonkho of the Northern Yakuts. In.: Illarionova TV. (ed.) *Sakha Baatylary*: vol. 21; vol. 21. Yakutsk: Bichik Publ.; 2019:304 (in Yakut).
29. Gabysheva LL. The Word in the Context of the Mythopoetic Worldview (Based on the Language and Culture of the Yakuts). Doctoral dissertation (Philology). Moscow: 2003:493 (in Russian).
30. Gabysheva LL. The Symbolic Meaning of Metal Nominations in the Epic of the Yakuts and Other Turkic Peoples. *Vestnik of North-Eastern Federal University = Bulletin of the North-Eastern Federal University*. 2012;9(3):115-120 (in Russian).
31. Gabysheva LL. Traditional View of Nature in the Olonkho: Deep Meaning. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies = Bulletin of the North-Eastern Federal University. Epic Studies*. 2019;15(3):78–87 (in Russian).
32. Gabysheva LL. Cultural Connotations of Landscape Terms in the Yakut Epic Olonkho. *Litera*. 2019;(6):284–290 (in Russian).

33. Gabysheva LL. Nominations of Parts of the Traditional Yakut Dwelling: Linguistic and Mythological Structures. *Philology: Scientific Research*. 2019;(6):207–216 (in Russian).
34. Gotovtseva LM. Names of Clothing in the Heroic Epic Olonkho. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies = Bulletin of the North-Eastern Federal University. Epic Studies*. 2016;1(1):106–114 (in Russian).
35. Gotovtseva LM. Semantics of Headdress Nominations and Their Details in the Yakut Heroic Epic Olonkho. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015;50(8-2):60–62 (in Russian).
36. Gotovtseva LM. Vocabulary of Traditional Sakha Clothing in the Texts of Olonkho. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy Vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2016;16(3):95–102 (in Russian).
37. Dyachkovsky FN. Lexical-Semantic Level of Concept ‘Fate’ Representation (Based on the Olonkho “Kyys Debiliye” by N. P. Burnashev). *European Social Science Journal*. 2012;22(6):111–118 (in Russian).
38. Afanasyeva EN. Ethnocultural Specificity of Kinship Terms in the Text of the Yakut Epic Olonkho “Dyuluruyar Nyurgun Bootur”. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019;12(6):348–351 (in Russian).
39. Robbek LV. Functional and Semantic Features of the Language of Olonkho (Lexicographic Aspect). Candidate’s dissertation (Philology). Moscow: 2009:179 (in Russian).
40. Robbek LV. Definition of a Word in the Dictionary of the Language of the Yakut Epic Olonkho. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2012;(1):92–94 (in Russian).
41. Robbek LV. *Lexical and Semantic Features of the Language of the Yakut Heroic Epic Olonkho*. Novosibirsk: Nauka Publ; 2014:140 (in Russian).
42. Nikolaev ER. Semantic Features of Dialect Vocabulary in M. E. Novikov’s Olonkho “Melekh Mekheele, Duolan Baai Toyon, Argas Baai Khotun”. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2024;17(7) (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20240312>
43. Izbekova EI. *Numerals in Olonkho: Structure and Semantics*. Yakutsk: Publishing House of the North-Eastern Federal University; 2014:152 (in Russian).
44. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut Language*. Vol. 1. Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1959:1200.
45. Sanjeev GD. (ed.), et. al. *Etymological Dictionary of the Mongolic Languages*. Vol. 1: A–E Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2015:224.
46. Popov GV, Sleptsov PA. (ed.) *Etymological Dictionary of the Yakut Language = Sakha Tylyn Etymological Dictionary*. Vol. 1: A–D. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2003:179.
47. Zhigacheva ES. The Concept of Baikal in Regional Linguoculture. Candidate’s dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2015:254 (in Russian).
48. Tsendina AD. (transl.) *The Yellow Story (Shara Tudji)*. Moscow: Nauka Publ. Eastern Literature; 2017:406 (in Russian, Mongolian).
49. Pürbeev GTs. (ed.) *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. vol. 1: A–G, 520 p.; vol. 3: Ö–F, 440 p.; vol. 4: X–Ya, 532 p. Moscow: Academia Publ.; 2001:520 (T. 1); 2001:440 (T. 3); 2002:532 (T. 4).
50. Shcherbak AM. *Turkic-Mongolic Language Contacts in the History of the Mongolic Languages*. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2005:195 (in Russian).
51. Nugteren H. *Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages*. The Netherlands: LOT; 2011:563.
52. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut Language*. Vol. 3. Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1959:3858.
53. Sanjeev GD. (ed.) et. al. *Etymological Dictionary of the Mongolic Languages*. Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2018:240.
54. *Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Lexicon*. Moscow: Nauka Publ.; 2001:822 (in Russian).
55. Shagdarov LD, Cheremisov KM. *Buryat-Russian Dictionary*. In 2 vols. Vol. 1: A–N. Ulan-Ude: Republican Printing House; 2006:635.
56. Levitskaya LS, Dybo AV, Rassadin VI. *Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Lexical Roots Beginning with the Letters K–Q*. Moscow: Languages of Russian Culture; 1997:368 (in Russian).
57. Räsänen M. *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; 1969:533 (in German).

58. Sanjeev GD. (ed.), et. al. *Etymological Dictionary of the Mongolic Languages*. Vol. 2: G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2016:232.

59. Dybo AV, Kukanova VV, Lidzheva LA, et. al. Names of wind in the Mongolic languages: Etymology and semantics. *Oriental Studies*. 2024;6(17):1369–1399 (in Russian). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399>

60. Sleptsov PA. (ed.) *Comprehensive Explanatory Dictionary of the Yakut Language*. In 15 vols. Vol. 2; vol. 10; vol. 14. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2005:908 (vol. 2); 2013:574 (vol. 10); 2017:591 (vol. 14).

Сведения об авторах

Турантаева Нина Васильевна, аспирант Института зарубежной филологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», младший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-1776-5603, e-mail: nv.turantaeva@s-vfu.ru.

Малышева Нинель Васильевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-6358-4256, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru.

About the authors

Nina V. Turantaeva, junior researcher of the International Research Laboratory ‘Linguistic Ecology of the Arctic’ of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, postgraduate student of the Institute of Foreign Philology and Regional Studies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, ORCID: 0000-0002-1776-5603, e-mail: nv.turantaeva@s-vfu.ru

Ninel V. Malysheva, Doctor of Philology, leading researcher, the International Research Laboratory «Arctic Linguistic Ecology», North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0002-6358-4256, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Вклад авторов/Authors' contribution

Турантаева Н. В. – разработка концепции, верификация данных, проведение исследования, создание черновика рукописи.

Малышева Н. В. – методология, редактирование рукописи.

Nina V. Turantaeva – conceptualization, validation, investigation, writing – original draft.

Ninel V. Malysheva – methodology, writing – review & editing.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию 23.05.2025 / Submitted 23.05.2025

Принята к публикации 10.06.2025 / Accepted 10.06.2025